

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения: на материале адъективных сравнений английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Тверь, 2000. 15 с.
2. Langacker. R. Introduction to Concept, Image, and Symbol. Cognitive Linguistics : Basic Readings / ed. by Dirk Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 29–69.
3. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, URL : <https://www.dwds.de> (дата звернення: 17.09.2019)

Т.П. Коропатницкая. Семантическая дифференциация сравнительных структур с маркерами *wie/als* в соответствии с актуализированными в них признаками. – Статья.

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантических признаков сравнения, реализованного сравнительными структурами с маркерами *wie* и *als* в современном немецком языке. Сравнение рассмотрено на основе аннотированного корпуса текстов немецкого языка DWDS.

Ключевые слова: сравнительные структуры, референт, коррелят, модуль сравнения, семантическая модель сравнения.

T. Koropatnitska. The semantic differentiation of comparative structures with *wie/als* through its actualized features. – Article.

Summary. The purpose of the paper is to study semantic comparison features, conducted by the method of comparative structures with the markers *wie* and *als* in the contemporary German language. The comparison was studied based on annotated German text corpora DWDS.

Key words: comparative structures, referent, correlat, module of comparison, semantic model of comparison.

УДК 821.161.1

Е.В. Подденежная

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской филологии

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

г. Киев, Украина

ПОВЕСТЬ И.Л. МУРАВЬЕВОЙ «ЛЯЛЯ, НАТАША, ТОМА»: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности жанровой поэтики «малой прозы» современной русской эмиграции на материале повести И.Л. Муравьевой «Ляля, Наташа, Тома». Анализируются разнообразные аспекты жанровой поэтики: универсальность и многоуровневость категории жанра, синтез в повести И.Л. Муравьевой различных жанровых форм и типов повествования. Исследуется трансформация механизмов культурно-исторической памяти в современной прозе русской эмиграции.

Ключевые слова: литература современной русской эмиграции, жанр, тип повествования, поэтика, культурно-историческая память.

Постановка проблемы. Развитие современной русскоязычной прозы эмиграции конца XX – начала XXI столетия отличается неоднозначностью стилевых экспериментов, размытостью жанровых форм и их модификаций, представляя разнообразное и увлекательное поле деятельности как для авторов, так и для исследователей.

Применительно к XX веку принято говорить о трех (реже о четырех) волнах русской эмиграции. Исследователи А. Соколов [1], В. Агеносов [2], М. Раев [3], Л. Суханек [4], определяя их границы, вносят свои коррективы в их датировку. Однако большинство из них согласно с тем, что первая волна эмиграции вызвана событиями октября 1917 года и охватывает период с 1918 приблизительно по 1939 год. Созданную ее представителями литературу принято называть «литературой в изгнании» в связи с тем,

что «отъезд» ее авторов из страны был вынужденным и по своей сути был бегством. Вторая волна включает период 1940-х – начала 60-х годов и связана с событиями Второй мировой войны. Ее репрезентировали в основном те, кто оказался за рубежом в результате военных действий. Начало «третьей волны» русской эмиграции обычно связывают с 1964 годом и периодом «оттепели». Ее авторы представляли собой поколение, рожденное и воспитанное в советской системе, и, соответственно, их творческие интересы были сосредоточены прежде всего на культурных процессах метрополии. Начало четвертой волны эмиграции хронологически определяется 1986 годом и продолжается в наши дни. Необходимость анализа пестрого и неоднозначного художественного материала современной эмиграции является одной из доминантных задач современного литературоведения.

Изложение основного материала исследования. Жанровые особенности «малой прозы» современной русской эмиграции. Художественная проза современной эмиграции ознаменована появлением новых жанров и жанровых форм. Эта тенденция в значительной степени определяет также развитие «малой прозы» русского зарубежья. В многочисленных современных попытках классифицировать ее в жанровом отношении встречаются неточности и терминологическая путаница. Это связано, на наш взгляд, с отсутствием однозначной трактовки самой категории жанра.

Жанровые особенности «малой прозы» эмиграции не имеют прямой зависимости от предмета изображения, объема произведения, полноты раскрытия характера, а также опосредованно не зависят от каких-либо классификаций. Все обозначенные аспекты требуют переосмысления, особенно в рамках трансформации жанрово-родовой системы современной литературы, в пределах которой неизбежно влияние традиционной, модернистской и постмодернистской поэтики, и вместе с тем активное их преодоление. Чем объяснимо подобное внутрижанровое многообразие? Прежде всего открытостью и условностью определений самой жанровой категории. Цветан Тодоров утверждал, что «Жанр – литературный чини – є нічим іншим, як цією кодифікацією дискурсивних властивостей» [5].

Современная русскоязычная проза эмиграции отличается яркой и разнообразной палитрой имен и идиостилей, среди которых творчество И.Л. Муравьевой занимает достойное место. Ирина Муравьева – известный русский и американский автор, литературовед, прозаик, публицист. В эмиграции с 1985 года. Активно сотрудничает с ведущими эмигрантскими изданиями «Русская мысль», «Континент», «Грани», «Время». Автор романов «Любовь фрау Клейст» «День Ангела», «Барышня», получивших высокие литературные награды и премии.

Целью данной статьи является анализ традиционных жанрово-стилевых аспектов поэтики повести И.Л. Муравьевой «Ляля, Наташа, Тома» [6] в контексте механизмов функционирования культурно-исторического кода. Известно, что художественное произведение представляет собой структуру, склонную к трансформации и изменению, при этом сохраняя основные принципы построения текста, в том числе память о прошлом, в том числе – литературном.

Современная проза русской эмиграции представляет собой отнюдь не однородное явление и находится в центре активной научной дискуссии достаточно давно. История русской эмиграции, особенности ее периодизации, новые аналитико-интерпретационные теории связаны с определением эмигрантов в «другом» культурном и историческом пространстве. В решении обозначенной проблематики можно назвать исследования современных ученых И. Минеевой [7], Л. Бугаевой [8].

Жанровая специфика повести. С одной стороны, современное развитие «малой прозы» русской эмиграции осуществляется в условиях жанровой аберрации, ломки и синтеза традиционных и внутрижанровых форм: все существует как бы одновременно и развивается параллельно. С другой стороны, актуальна тенденция к сохранению структурно-морфологических параметров «памяти жанра» по М. Бахтину [9]. В данном случае необходимо различать мировоззренческую и формальную составляющую одного и другого подходов. Эти две интенции отражаются в малой прозе И.Л. Муравьевой, в частности, в повести «Ляля, Наташа, Тома» в рамках реалистического и модернистского векторов поэтики повествования.

Реалистическое содержание повести «Ляля, Наташа, Тома» связано с историей поколений целой семьи. Неторопливо и сдержанно ведется рассказ о трех героинях, об их судьбах, формировании характеров, увлечениях и привязанностях. Кажущаяся сдержанность повести как бы противоречит яростному стремлению героинь понять себя, победить историю и обстоятельства, представить свой внутренний космос через бытовые, «вещные» фрагменты действительности как уникальную целостность. Показательно в этом отношении начало произведения, повествующее об отъезде, эмиграции и воспоминаниях детства: «На эту фотографию я наткнулась почти случайно. Вообще, когда мы проходили таможенную, я

больше всего боялась, что тот белесый, с усиками, не даст мне провезти фотографии. Оставляла людей. Увозила лица. Оставляла могилы, увозила живых, замеревших в потускневших изображениях: на крыльце с собакой, среди именных бутылок, под пляжным тентом, в съехавшей соломенной шляпе, с детьми на руках и детьми на коленях...» [6]. Драматизм прошлого подчеркивается расширенной символизацией фотографического описания розовой кошки Розы, венка из ромашек, сирени, застекленной террасы и трех героинь из «бывших» – Ляли, Наташи, Тома.

И.Л. Муравьева вводит в повесть элементы житийного жанра: об этом свидетельствует ряд сюжетных ситуаций, перекликающихся с поэтикой агиографической литературы. Обычно повествование в житиях начиналось с рождения героя, характеристики его родителей, их имущественного положения, топографических особенностей. Подобные элементы жанра имманентно присутствуют и в анализируемом тексте. Так, фрагментарно изображаются портреты родителей героинь в контексте неприемлемой социальной и психологической реальности: «Война кончилась, они учились в институтах. Все в разных, но дружны были по-прежнему, как в детстве. Ах, конечно, жизнь все перемешивает, дворники рождаются с князьями, и все это прекрасно, но так случилось, что эти три девочки были из «бывших», и их тонкокожие хрупкие жизни чувствовали бессознательную опасность. Они знали, например, отчего Томина мама всю ночь соскабливала с синих тарелок золотую строчку «За веру, Царя и Отечество», когда забрали мужа рыжеволосой голубоглазой Ольги, которую за красоту звали Светиком, и знали они, отчего Наташин отец пил, пропадал на скачках и, наигрывая на гитаре цыганские романсы, говорил своей цыганке-жене, которую когда-то, в лучшие времена, выкрал из табора» [6]. Агиографический фон еще больше подчеркивает неотделимость персонажей от эпохи. Автор включает их не только в эстетическую, но и в реалистическую плоскость действительности, маркируя текст многочисленными деталями и приметам времени. Причем описываемая действительность порождает довольно парадоксальный внутритекстовый метафорический смысл: «И был им знаком еще один, совершенно особый страх, изредка выражаемый еле произносимыми буквами «НКВД», серый и гнетущий, похожий на серое здание на Лубянке с остробородым жилистым памятником в длинной шинели. Только Наташе и Ляле Тома могла сгоряча проболтаться, что отец никогда не называет Ленина иначе как сифилитиком, и сказала она это смутившись, шепотом, когда они втроем шли по Смоленской, возвращаясь домой в свои заваленные снегом переулки – Неопалимовский и Первый Тружеников, – шли быстро, насквозь промерзшие в тонких ботиках и вязаных платках. Им было почти семнадцать, кончалась последняя школьная зима сорок пятого года, и они только что отстояли длинную нелегкую очередь в Мавзолей, где он и лежал в гробу, под стеклом – весь сморщенный, желтый, как старый лимон. Сифилитик» [6]. В рамках жанра повести складывается эпическая микрокартина, как камертон действительности, в которой пребывают герои. Их жизненные ситуации, их проблемы, с одной стороны, подчеркнута будничны: смерть и рождение, влюбленности, браки, болезни, семейные конфликты, карьерные «провалы» вперемешку с ужасными подробностями советской действительности, с другой – в скрытой агиографической риторике текста закреплён код свободы человеческого духа, универсальная система этических и нравственных поведенческих моделей, что собственно и актуализируется в повести И.Л. Муравьевой. В связи с этим особое значение приобретает символизация и притчевость повествования, моделирующая своеобразный «сказочный канон» повести «Ляля, Наташа, Тома». Три героини, три судьбы, три сестры, триединство пространства, три категории времени, триединство божественной Троицы переплетаются удивительным образом в структуре текста.

Универсальные категории, формирующие семантику повести, позволяют в онтологическом и ценностном ключе сочетать историческое прошлое и современную действительность. И.Л. Муравьева, описывая на первый взгляд вполне обычные вещи, стремится к огромной степени их художественного обобщения. На читателя «панорамно» надвигается советская эпоха, поражающая своей обыденностью и обреченностью – «Раскаленный шар катился по хрустящему снегу Первого Труженикова. Раскаленным шаром была жизнь, перемалывающая, переплавляющая, расплющивающая глаза, слова, руки, губы, правоту и вину, восхождения и провалы – всё, из чего складывались в ней дни, часы и минуты, всё, что составляло ее огнистую обжигающую плоть, ее абрикосовую мякоть, прыгающую по выпавшему ночью снегу Первого Труженикова» [6]. Именно эта ужасающая, «советская» эпичность становится структурно-образующим кодом произведения.

Элементы модернистской и постмодернистской поэтики. Другой, не менее важной тенденцией повести «Ляля, Наташа, Тома» является актуализация модернистской и постмодернистской поэтики: это автокомментарии, диалог с читателем, интроспективные психологические зарисовки, деконструкция, с поправкой на то, что И. Муравьева не разрушает, а наблюдает за разрушением эпохи, времени, семьи и

частично собственной судьбы: «...Туман. Молочный туман моей неуклюжей детской памяти, в котором я бреду на ощупь с вытянутыми руками, натываясь на собственные сны и чужие рассказы. И вдруг в волокнистом, всей кровью шумящем, горячем тумане мои растопыренные пальцы упираются в нечто плотное, осязаемое, пушистое – мамины домашние тапочки. Красные. Да, было. Да, было!»[6].

Еще одна тенденция произведения – акцент на психологических маркерах внутреннего мира личности, в связи с чем структура повести приобретает вид несколько хаотичного внутреннего движения, а фабульность отходит на второй план. Ирина Муравьева пишет очень конкретно, активно создавая «собственную философию» мира. Образы Ляли, Наташи, Тома становятся не фоном, не отдельными штрихами событий, а историческими вехами страны, которая ушла в небытие: «Туман. Я бреду в нем с сухими глазами. Я одна. Ее нет. Я пробираться к ней сквозь сомкнутые годы, и все повторяется: туман, туман, туман, гора белых подушек, красные тапочки, свет...»[6]. Возможно ли в таком мире обрести внутреннюю целостность? Отвечая на этот риторический вопрос, автор использует литературные коды, символы, знаки, которые направлены не на поиск «мировой гармонии», а скорее на обретение себя, формируя новое представление о реальности, или же ее подмене.

В произведении активно фигурируют знаки «постмодернистского кода» (по Д. Фоккеме [10]), где основным принципом организации текста является «нонселекция» – преднамеренный повествовательный хаос, который создается посредством образов фотографии, путешествия, зеркала, памяти.

Так, собственно, фотография в повести И. Муравьевой является маркером действительности, редуцированным отражением мира, которого уже не существует. Символическая роль фотографического изображения вполне традиционна. Фотография является границей между иллюзорным и истинным образами действительности, в которых героиня не находит себя. Первый раз фотография фигурирует в самом начале повести: «На эту фотографию я наткнулась почти случайно» [6], впоследствии появляется еще несколько раз, но уже в других интерпретациях. Все воспоминания в повести напоминают фотографические портреты: «новое платье с кружевным воротником – самое красивое на свете» [6], или «чернобровая худая красавица с мокрыми от застывших слез сияющими глазами» [6]. Такая техника описания показательна демонстрирует авторскую повествовательную концепцию, а именно: случайная фотография, случайные лица, прошлое или реальность, мертвые изображения или живые. Фотография как образ прошлого становится мотивом и сюжетом текста.

Выводы. Повесть И. Муравьевой «Ляля, Наташа, Тома» парадоксальным образом объединяет в себе жанровые признаки повести и романа (как романа жизни), реальности и условности. Сюжет, излагаемый автором, отражает неожиданный ракурс восприятия человека и мира, настраивает читателя на ассоциативную игру с классическими и современными образами и мотивами, актуализирует определенные механизмы взаимодействия с культурно-исторической памятью, способствует раскрытию личности в «другом» (чужом) пространстве. Все эти сложные составляющие действительности, вымысла, понимания текста, своеобразно отражаются в жанрово-стилевой поэтике произведения, маркированной модернистским и постмодернистским знаковым кодом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. Москва : Изд-во Московского университета, 1991. 182 с.
2. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). Москва : Терра, 1998. 543 с.
3. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. Москва : Прогресс-Академия, 1994, 293 с.
4. Суханек Л. Место антропологии в эмигрантологических исследованиях. URL: https://www.hse.ru/data/2013/09/30/1277446793/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf
5. Тодоров Ц. Поняття літератури та інші есе. Київ : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006, 162 с.
6. Муравьева И.Л. Ляля, Наташа, Тома. URL: <https://www.yakaboo.ua/ljalja-natasha-toma.html>.
7. Минеева И.Н. Материалы к словарю сюжетов, образов, мотивов «культура русского зарубежья XX–XXI вв.»: понятие эмиграция. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/396>.
8. Бугаева Л.Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. *За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века*. URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Художественная литература, 1972, 470 с.
10. Douwe W. Fokkema. Literary history, modernism, and postmodernism.
11. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Pub. Co., 1984, 63 p.

О.В. Подденежна. Повість І.Л. Муравйової «Ляля, Наташа, Тома»: особливості жанрової поетики. – Стаття.

Анотація. У статті розглядаються особливості жанрової поетики «малої прози» сучасної російської еміграції на матеріалі повісті І.Л. Муравйової «Ляля, Наташа, Тома». Аналізуються різноманітні аспекти жанрової поетики: універсальність і багаторівневість категорії жанру, синтез у повісті І.Л. Муравйової різних жанрів і типів оповіді. Досліджується трансформація механізмів культурно-історичної пам'яті у сучасній прозі російської еміграції.

Ключові слова: література сучасної російської еміграції, жанр, тип оповідь, поетика, культурно-історична пам'ять.

O. Poddenezhna «Ляля, Наташа, Тома» by I.L. Muravyeva: peculiarities of genre poetics. – Article.

Summary. The article analyzes the features of the genre poetics in the modern Russian emigration. The object of the article is the story by I. Muravyeva “Ляля, Наташа, Тома”. The various aspects of genre poetics are analyzed: universality and multi-level categories of the genre, synthesis, e.g. various genres and types of storytelling. The transformation of cultural-historical memory mechanisms in modern prose of Russian emigration is investigated.

Key words: literature of modern Russian emigration, genre, type of narration, poetics, cultural and historical memory.

УДК 811.11-112

В.В. Самаріна

доцент кафедри ділової іноземної мови та перекладу
Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут»,
м. Харків, Україна

Ю.В. Москалик

студентка факультету соціально-гуманітарних технологій
Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут»,
м. Харків, Україна

ЗНАЧЕННЯ СЕМАНТИЧНИХ КАТЕГОРІЙ ПІД ЧАС СИНТАКСИЧНОГО ТРАНСФОРМУВАННЯ НІМЕЦЬКИХ ІНФІНІТИВНИХ КОНСТРУКЦІЙ

Анотація. У статті було проаналізовано та визначено значення семантичних категорій під час синтаксичного трансформування німецьких інфінітивних конструкцій, а також частотність вживання інфінітивних конструкцій в технічному та публіцистичному стилях. Велику увагу привернула семантико-синтаксична концепція, яка дозволяє не тільки розглянути синтаксичну одиницю на рівнях різних мов, але й також вивести одиницю на препозиційний та предикативний рівні, вдаючись до семантико-синтаксичного аналізу. Наявність семантики володіння і буття, яка характерна інфінітивним конструкціям з дієсловами *haben* та *sein*, надає можливість виявити семантичні категорії модальності та контролю. Сукупність семантичних категорій визначає ступінь вірогідності взаємного синтаксичного трансформування дієслів *haben* та *sein*.

Ключові слова: інфінітив, інфінітивна конструкція, семантика-синтаксису, семантико-синтаксична концепція, семантична категорія, синтаксична кореляція, модальність, препозиційний та предикативний рівні.

Актуальність дослідження цієї теми зумовлена поширеним інтересом до вивчення інфінітивних конструкцій з дієсловами *haben* та *sein*, які мають безпосередній зв'язок з семантичними та функціональними напрямками синтаксичних досліджень. Ці дієслова є високочастотними та мають досить широкий семантичний діапазон.

Метою роботи є – вивчити та дослідити загальні структурно-семантичні і функціональні властивості інфінітивних конструкцій з дієсловами *haben* і *sein*, ґрунтуючись на визначенні характеру взаємних кореляцій даних конструкцій в сучасній німецькій мові, а також на виявленні суттєвого значення семантичних категорій під час синтаксичного трансформування німецьких інфінітивних конструкцій.